

ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертацию **Ракитовой Лилии Александровны**
«Писательская публицистика 1917-1921 гг:
жанровое и проблемно-тематическое своеобразие»
по специальностям 10.01.01. – русская литература,
10.01.08 – теория литературы, текстология
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Приступая к разработке заявленной темы в двух перспективах (историко-литературной и теоретической), Л. А. Ракитова входит актуальную и чрезвычайно непроясненную область современного литературоведения – изучение произведений, стоящих на границе художественной литературы и публицистики. Привычные категории поэтики (автор, герой, жанр, художественный образ) в пространстве публицистики реализуются иначе, с ощутимой риторической составляющей. Но при этом сводить даже полемическую статью того или иного писателя, художника слова, к чисто риторическому жанру нельзя (фельетон и очерк тем более) – слишком высока здесь концентрация, если позволительно так выразиться, художественности, причем в разных жанрах и у разных писателей – это неодинаково, индивидуально.

Сегодня при явном интересе ученых к проблемам публицистических жанров, на что указывает и Л. А. Ракитова, фундаментальных работ, посвященных этому вопросу всецело, нет. В этой связи представленное диссертационное исследование расширяет и углубляет наше представление о жанрах очерка, фельетона, полемической статьи, открытого письма и других. Также настоящая работа дает возможность полнее осознать своеобразие публицистики Л. Андреева, А. Аверченко, М. Волошина и А. Куприна, на этом фоне глубже осмыслить их художественное творчество, наконец, прикоснуться к писательской и человеческой драме каждого из них. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования.

При этом отметим, что в самой работе актуальность обоснована не достаточно хорошо. Л. А. Ракитова пишет об исследовательских лакунах, образовавшихся со сменой культурной и идеологической парадигмы в постсоветском обществе в 1990-е годы. Именно это, по словам исследовательницы, вызывает потребность пересмотра восприятия писательской публицистики антибольшевистской направленности пореволюционных лет. Но советской системы нет уже более четверти века, и такая привязка неактуальна. Этот компонент в работе мог бы быть прописан, например, в свете русской национальной идеи, ведь именно с этой темой тесно соприкасается четвертая завершающая глава диссертации.

Представленное к защите диссертационное сочинение решает ряд важных задач, поставленных перед современным литературоведением, как в историко-описательном, так и в поэтологическом аспектах. Прежде всего, Л. А. Ракитовой удалось обобщить и глубоко проанализировать нынешнее состояние изучаемого вопроса (подраздел 1.1.). Автор диссертации осмыслил научную литературу,

11.08.17
№ 478/01-49

дальнейшего движения научной мысли. Историографический обзор сделан качественно, охвачен обширный материал по публицистическому творчеству А. Аверченко, Л. Андреева, М. Волошина, А. Куприна, привлечены научные исследования последних лет.

Подраздел 1.2 представляет собой теоретико-литературный обзор ключевых характеристик публицистики как особого типа словесности. Опираясь на актуальные исследования, Л. А. Ракитова формулирует и осмысливает главные составляющие художественной публицистики: образ-факт, эстетическую обработку реального материала, выраженность авторской позиции, аналитичность, применение риторических стратегий в построении текста и прочее. В работе присутствуют оригинальные наблюдения и емкие обобщающие формулировки относительно жанрового своеобразия фельетона, очерка, открытого письма и других публицистических жанров (с.52), плодотворные размышления о психологии читательского восприятия (с. 53). Л. А. Ракитова продуктивно адаптирует идеи Б. А. Успенского и В. И. Тюпы, высказанные об авторской позиции и восприятии текста читателем литературно-художественного произведения, применительно к публицистическим жанрам (с. 54), а также развивает идеи Л. Г. Кайды, высказанные в монографии «Композиционная поэтика текста».

Работа отличается новизной, высокой степенью авторской самостоятельности, основательностью, системностью. Формулировка задач соответствует тематической структуре и логике концептуального изложения, а последовательность постановки задач симметрична структуре выводов. Будучи написанной живым научным языком, но не нарушая норм научного стиля, исследование Л. А. Ракитовой не перегружено терминами: использованный терминологический аппарат строго регламентирован методологической целесообразностью.

Исследовательница справедливо отмечает: «Писательская публицистика не может быть изучена с применением только традиционного инструментария, но с учетом индивидуально-мировоззренческих особенностей в организации публицистического текста» (с. 22), что она и демонстрирует в своем исследовании.

Обращаясь к пограничному художественно-публицистическому материалу, диссертантка смогла сформировать адекватный понятийный аппарат, который чаще всего позволяет верно описывать объект изучения. Сюда следует отнести понятия «авторская стратегия» (с. 4-5), «индивидуальная авторская стратегия» (с. 9), «субъектные модели авторских стратегий» (с. 10), «писательское амплуа» (с. 19), «внутренняя программа текста» (с. 7), «концептосфера» (с. 10), «концептуальный комплекс», «авторреференциальность» (с. 10) – в этом случае ссылки даны на автореферат – и другие понятия. В работе Л. А. Ракитовой нет бессодержательного манипулирования терминами. Исследовательница стремится к читательскому пониманию, четко знает, что хочет сказать, и каждое понятие получает необходимое объяснение в соответствующем месте работы.

Однако не всегда заимствованные термины и методологические разработки подвергаются достаточному критическому анализу. Так, например, опираясь на во многом лингвистическую работу Т.В. Кузнецовой «Внутренняя парадигма и

коммуникативная стратегия текста», диссертантка прилагает к изучаемому материалу субъектно-композиционную модель «действительность – автор – текст – читатель» в качестве универсальной. При этом не замечается, что «действительность» в таких жанрах как очерк и фельетон (особенно это чувствуется, например, у А. Аверченко, да и у А. Куприна) сильно трансформируется, а в некоторых моментах и откровенно удваивается (разделяясь на действительность реальную и действительность, создаваемую в произведении). Т.е. четырехкомпонентный «концептуальный комплекс» Т. В. Кузнецовой должен быть как-то преобразован применительно к художественной публицистике с учетом этой мысли.

В ряде случаев, когда исследовательница переходит в область классической поэтики (теории поэтического), покидая пограничную сферу, в которой располагается изучаемый ею материал – писательская публицистика, – она чувствует себя, на мой взгляд, не до конца уверенно. Например, в автореферате на с. 3 читаем: «Центральной категорией писательской стратегии является автор-творец, выступающий в публицистике в качестве первичного субъекта речи». Но автор-творец – субъект эстетической деятельности в художественном произведении. Автор-творец – напомним М.М. Бахтина, который в исследовании достаточно много цитируется, – субъект чистого созерцания, который не обнаруживает себя в каком-либо выделенном месте произведения. Данная категория вообще не подходит для публицистики, а применительно к художественно-публицистическим произведениям она должна быть пересмотрена. Во всяком случае, автор-творец в устоявшемся в науке понимании никак не может быть «первичным субъектом речи».

Безоговорочно более сильной представляется историко-литературная часть диссертации. Наиболее мощной в этом отношении является третья глава исследования, посвященная четырем авторским стратегиям в публицистике 1917-1921 гг. Л. А. Ракитова отталкивается от идей Л. К. Долгополова, высказанных в монографии «На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века», развивает их и значительно углубляет. Беря за основу идею о четырех типах восприятия революции писателями антибольшевистского направления: «сопричастность» (А. Куприн), «обреченность» (Л. Андреев), «нонконформизм» (М. Волошин), «индивидуализм» (А. Аверченко), диссертантка осуществляет подробный анализ их публицистического наследия указанных лет.

К новизне работы нужно отнести и проблемно-тематический анализ не исследованных ранее фельетонов А. Аверченко, на что указано в самой работе. Глубиной и литературоведческой наблюдательностью отличается анализ очерков А. Куприна о Ленине и о белогвардейских офицерах. С подлинной историко-литературной зоркостью прослежена динамика общественных взглядов Л. Андреева, изменение в отношении к революции, нашедшие свое отражение в его публицистике 1917-1918 гг.

Одни из лучших страниц диссертации посвящены творчеству М. Волошина, особенно выделяется анализ его работы «Россия распятая», где предложен сопоставительный анализ публицистического текста с лирическими произведениями автора, а понятие автореференциальности раскрывается на ярких примерах (параграф 4.2.2). Статья-лекция М. Волошина удачно сопоставлена с

публицистическими работами К. Бальмонта «Революционер я или нет?» и Н. Бердяева «Духи русской революции» (в последнем случае хорош анализ фаталистического мироощущения и «мистицизма» у поэта и у философа).

В диссертации предложен разбор общественных взглядов писателей-публицистов, изучено композиционное и стилистическое своеобразие их публицистических произведений, выполнен разносторонний анализ библейской образности и символики в работах указанных авторов. Все это сделано достаточно убедительно и точно.

В четвертой главе «Тема русской национальной идеи как онтологически-смысловой центр писательской публицистики 1917 - 1921 годов» полно и гармонично осуществляется встреча теоретической и историко-литературной частей работы. Проблемы писательской самоинтерпретации (автореферциальности), интертекстуальности, «блуждающих» образов становятся предметом наблюдения в двойной перспективе: как элементы выражения общественно-литературных взглядов писателя и как свойства «поэтики» их художественно-публицистических произведений.

Заключение коррелирует с Введением и содержит логически выстроенные итоги работы. Библиография оформлена в соответствии с требованиями.

Отмечая бесспорную научную ценность диссертации Л. А. Ракитовой, её теоретическое, историко-литературное и практическое значение, выскажем несколько замечаний, которые не касаются общей концепции диссертации, а носят дискуссионный характер и не снижают высокого уровня исследования.

В работе и в автореферате изредка встречается формальные и формо-содержательные недочеты. Укажем на отдельные мелочи, которых, однако, в совокупности набирается некоторое количество:

1. Ссылка на учебник «Введение в литературоведение» В. Прозорова (с. 8) в качестве теоретической основы исследования для кандидатской диссертации по теории литературы выглядит странно. В этом отношении указание на книги и статьи разработчиков теории публицистической прозы, которые также есть в работе, (с. 10) более уместно.

2. Одна и та же развернутая цитата (целый большой абзац) из Л. К. Долгополова о четырех моделях реагирования писателей на революцию при ее неприятии встречается в работе дважды на с.37 и с. 59, а это излишне.

3. Иногда в работе встречаются неудачные или спорные формулировки, например: «Официальной датой зарождения публицистической прозы в России становится 1905 год, с которого берет начало также первый идеологический раскол общества» (с. 61). А что до этого публицистической прозы не было? Или: «Развиваясь в условиях столкновения двух субкультур – народа и интеллигенции, она (публицистика. – О. М.) выступила в качестве последнего выражения идей патриархальной России» (с. 67). Народ – это не субкультура (об интеллигенции можно спорить).

4. В материалах присутствуют грамматические ошибки и тавтология. Например, в автореферате с.17 – в первом абзаце что-то не так с пунктуацией, а во втором абзаце читаем: «Достижение обозначенного эффекта достигается при помощи выражения эстетического отношения писателя (ирония, юмор, сарказм,

сатира), создающего определенную эмоциональную рефлексию и выражает авторскую стратегию «индивидуализма», отстранения от социально значимых явлений посредством сатиры и юмора». В диссертации это же видим на с. 39.

5. В работе непропорционально большие промежуточные выводы и Заключение. Если суммировать их, выйдет более 50 страниц текста: для выводов – это многовато, да и автореферат на 28 страниц оправдывается только тем, что работа представлена сразу по двум направлениям.

6. Вторая теоретико-литературная глава непропорционально маленькая, всего 9 страниц, что особенно бросается в глаза на фоне третьей историко-литературной главы, которая почти 100 страниц. На мой взгляд, должна быть какая-то соразмерность.

7. В четвертой главе исследования диссертантка пишет: «Русский философ начала XX века Ф. А. Степун гранью между двумя крайними точками русской ментальности обозначил «близость идеала мадонны и идеала содомского» (с. 179). Почему же назван Ф. А. Степун и нет упоминания первоисточника?

8. Немало публикаций, указанных в автореферате, размещены в украинских ВАКовских сборниках, а заголовок рубрики, в которой они находятся, «Публикации в рецензируемых изданиях ВАК МОН ДНР». Эти публикации, естественно, учитываются при защите, но, видимо, стоит рубрику разделить на две и озаглавить их соответственно наполнению.

В рамках дискуссии хотелось бы обратить внимание на некоторые содержательные моменты:

1. В теоретико-литературной части Л. А. Ракитова настаивает: «Писательская публицистическая проза, также как и художественная литература, имеет диалогическую природу, которая заключается во взаимодействии с собой и с воображаемым читателем» (с. 71). «Диалогическая природа» – очень широкая формулировка. В качестве уточнения хотелось бы получить ответ на вопрос: есть ли различие между диалогической природой художественного литературного произведения и диалогическим компонентом в публицистике?

2. В работе очень спорно дается комментарий к бахтинской концепции автора и героя, например: «Бытие героя складывается из фактов реальной действительности самого автора, которые он пытается подвергнуть осмыслению посредством иного самосознания» (с. 74-75). Это крайне дискуссионно. А в другом месте (с. 70) работы сказано: «В произведении художественно-публицистическом обозначенная триада (автор-герой-читатель – О. М.) сокращена до двух компонентов, так как, автор, зачастую, выступает также в роли публицистического героя». Здесь автор и герой совпали. Нужно какое-то разъяснение Вашей позиции.

3. Представляется, что различные публицистические жанры способны содержать художественно-эстетический компонент в неодинаковой степени. С одной стороны можно поставить очерк и фельетон, а с другой – статью, например. Помня кантовское разделение на художника и ремесленника и то, что в случае художественного произведения можно говорить лишь о достигнутой, а не о градации, отметим, что все же иногда оказывается возможным говорить о

различной степени художественности, о базовой жанровой установке, которая во многом это предопределяет, что требует осмысления. Особенно это относится к текстам пограничным. В диссертации этой щекотливый вопрос обойден.

4. На мой взгляд, публицистическое высказывание как бы помимо воли высказывающегося, зачастую неосознанно (а иногда и осознанно) для него, многое говорит о нем самом, как бы очерчивает самого субъекта речи, хотя такой цели, как правило, у него нет. Это «оборачивание» речи на самого говорящего, как представляется, не отрефлексовано исследователем. Возможно, какой-то комментарий будет предложен на защите.

5. Указывая на теоретическую основу исследования, Л. А. Ракитова называет в числе прочих монографию В. В. Федорова «Три лекции об авторе». На защите хотелось бы услышать, как именно филологическое учение донецкого профессора было приложено к изучению пореволюционной публицистики.

Наши соображения высказаны в порядке дискуссии и пожеланий, они не снижают высокого уровня работы. Диссертация Л. А. Ракитовой – это законченное творческое научное исследование, которое требует всесторонней поддержки, а зафиксированный в нем исследовательский опыт, думаю, способен стимулировать дальнейшее развитие литературоведческой мысли в сфере избранной проблематики.

Автореферат рецензируемой работы отражает сущность проведенного исследования и написан по всем канонам для этого вида работ.

Диссертация Л. А. Ракитовой представляет собой серьезное исследование и соответствует требованиям ВАК ДНР, предъявляемым к такого рода сочинениям, а её автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по заявленным специальностям.

Официальный оппонент:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
и теории словесности
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ул. Университетская, 24
302-09-44
don-filolog@inbox.ru

О.Р. Миннуллин

Даю согласие на автоматизированную обработку моих персональных данных.

Подпись О.Р. Миннуллины удостоверяю

*Согласен О.Р. Миннуллин
доцент кафедры истории русской
литературы и теории словесности
ГОУ ВПО, Донецкий национальный
университет*
О. Р. Миннуллин

6

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н.Н. МИХАЛЬЧЕНКО